

ИСТОКИ И
ИСТОЧНИКИ
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
МЫСЛИ В V-XVII ВВ.

ТЕМА № 5

В европейском обществе определяющим было мировоззрение Римско-католической церкви, общественная мысль, а вместе с ней и управленческая мысль, не оставались неизменными по причине происходивших естественных перемен в процессе эволюции социально-экономических и политических систем. Эта эволюция включает 3 крупных исторических этапа в Средние века.

Первый этап — раннефеодальный относится к концу V в. — середине XI в. На данном этапе феодализм только еще консолидируется и упрочивается как новая общественно-экономическая формация. Государственность сначала организуется в большие, но весьма слабоинтегрированные в единое целое монархии, а потом распадается на конгломераты раздробленных политических образований.

Второй этап — пора полного развития феодального строя, его расцвет — относится к середине XI в. — началу XV в. Для этого периода типичны централизованные сословно-представительные монархии, усиление роли городов как центров мировой торговли, и соответствующее формирование «городского» права.

Третий этап — позднее средневековье — относится к XV—XVII вв., когда наметились кризис и разложение феодализма, генезис капиталистических общественных отношений. Государственность, а вместе с ним и государственное управление строятся на этом этапе преимущественно как абсолютная монархия.

Поскольку развитие разных стран имело свои особенности, то постепенно усиливалась неравномерность и в развитии общественной мысли отдельных стран и регионов. В этом сказывалось не только влияние античного наследия, но и особенности господствующего социально-экономического строя.

Главными моментами генезиса феодального способа производства были превращение свободных производителей материальных благ и рабов в феодально-зависимых крестьян и образование крупного феодального землевладения.

Для всего этого периода характерна борьба между крестьянской общиной и феодальным поместьем. Феодализм породил разные формы крупного производства и прежде всего вотчинные предприятия производственного характера.

После падения западной Римской империи (V в. н.э.) в появившихся на ее территории варварских королевствах происходит синтез феодальных элементов, зародившихся в античном обществе и первобытнообщинном строе германцев и кельтов.

Ранее свободные общинники попадают в личную, поземельную и судебно-административную зависимость от феодалов — владельцев феодалов (условной наследственной земельной собственности). Складываются феодальные иерархии и система вассалитета. Наиболее быстро феодализм возникал там, где эти элементы гармонически дополняли и ускоряли друг друга (в северной Франции).

Там же, где доминировало античное наследие (в Византии и странах Южной Европы), темпы феодализации замедлялись. Сильное государство, развитые частная собственность и товарно-денежные отношения, длительное сохранение рабовладельческой формы эксплуатации стали факторами, препятствовавшими генезису классического феодализма.

Постепенно в европейском феодальном обществе оформляются 4 класса — сословия: крестьяне, светские феодалы-рыцари, церковные феодалы-священнослужители и горожане-бюргеры. Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свою идеологию, имело свои экономические и организационно-управленческие представления. Однако, прежде чем проанализировать эти особенности, отметим общие черты, типичные для феодального мировоззрения в целом.

Феодальная экономика имеет аграрный характер, натуральное хозяйство. Человек был подавлен в борьбе с природой, производительность труда была результатом не только его личных усилий, но и естественных производительных сил, его деятельность зависела от биологических циклов природы.

Не будучи в силах объяснить природные процессы, человек средневекового общества постоянно боялся разорительных стихийных бедствий: неурожая, наводнения, засухи и т. д., наивно верил в сверхъестественное и пытался отгородиться от него строгим соблюдением обрядов, различного рода ритуалов, заклинаний и молитв.

Он опасался нововведений и ориентировался на старину, апеллировал к традиционным нормам морали и права. В то же время он был сравнительно молодым (средняя продолжительность жизни в эпоху средневековья была относительно невысока).

Гарантией от последствий стихийных бедствий и непредвиденных обстоятельств была принадлежность к какой-либо общине, коллективу, с интересами которого средневековый человек соотносил свою деятельность, поступки, мысли. В этом проявлялась всеобщая личная зависимость, которая распространялась на отношения не только между антагонистическими классами, но и внутри них.

Вертикальные иерархические связи в этом обществе дополнялись горизонтальными связями, представленными различного рода корпорациями (соседские общины, городские коммуны, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские братства, рыцарские ордены).

Мышление средневекового человека имело телеологический характер, поскольку ведущую роль в Европе играли христианская религия и Римско-католическая церковь, которые определяли всю общественную мысль Западной Европы.

Латынь стала универсальным языком образованной части западно европейского общества, сохранившим, хотя и в трансформированном, и переосмысленном виде, наследие античного мира. Однако наряду с латынью, знание которой было уделом лишь немногих, развиваются национальные языки, пробивающие себе дорогу среди обилия диалектов и наречий. Раннесредневековая культура носила в основном устный характер. Записи фиксировали текущие события, делались «для памяти».

Не следует забывать и о синкретизме средневековой духовной культуры, из которой отрасли общественной мысли — экономическая, управленческая, социологическая мысль — еще не выделились в самостоятельные области знания. То, что может быть отнесено к управленческой мысли, как и в предыдущие периоды истории человечества, проникнуто духом практицизма. Средневековые трактаты изобилуют конкретными хозяйственными советами, различного рода практическими рекомендациями по управлению хозяйствами.

Класс светских феодалов в целом, мало интересовался экономическими проблемами, управлением своей вотчиной или поместьем. Он был представителем тех, кто потребляет богатство.

Аграрный характер феодальной экономики, господство натурального хозяйства, неразвитость ремесла и торговли в эпоху раннего средневековья (V—XI вв.) остро ставили перед светскими феодалами лишь одну экономическую проблему — получение денег для покупки поступающих с Востока экзотических предметов роскоши, для ведения безбедного и беззаботного образа жизни.

Денежный голод испытывали не только отдельные представители господствующего класса, но и само феодальное государство. Богатство, награбленное в ходе войн и набегов, ценилось в среде феодалов выше накопленного путем сбережения, *рационального хозяйствования*, методичной эксплуатации крестьян.

Богатство, раздаренное подданным, растраниженное в целях престижного потребления, поднимало социальный статус выше, чем богатство, использованное в производительных целях. Неудивительно поэтому, что не только раннее, но даже развитое западноевропейское средневековье (XI-XV вв.) не оставило сколько-нибудь серьезных теоретических сочинений по экономике и управлению, написанных представителями светских феодалов. Разработка общественных, в том числе управленческих, вопросов с позиций господствующего класса стала уделом священнослужителей — церковных феодалов.

Самым организованным сословием феодального общества было духовенство. Обладая строгой иерархией, оно входило и в светскую систему вассалитета. Это было открытое сословие феодального общества, включавшее не только феодалов, но и наиболее одаренных представителей других классов. Общественные науки являлись в этот период отраслями богословия и трактовались с позиций Священного Писания.

Библейские тексты широко использовались, например, для осуждения ростовщичества как противоестественного средства обогащения, как явления, губящего человеческую душу. Христианское вероучение стало важным «теоретическим подспорьем» и для преодоления характерного для античности презрительного отношения к труду. Труд в эпоху средневековья все больше рассматривается не только как наказание за грехи, но и как путь к спасению человечества.

Вопросы управления получили развитие в произведениях монахов. Монастыри выступали как организаторы крупного, нередко хорошо налаженного вотчинного хозяйства, сельскохозяйственного и ремесленного производства. Это нашло отражение, например, в Сен-Жерменском полиптике, Фульдском полиптике, других произведениях этой эпохи.

Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда способствовали отделению ремесла от земледелия, города от деревни. В X—XIII вв. складывается особый социальный слой феодального общества — *горожане*. Будучи закономерным порождением феодального строя, бюргерская культура заметно отличалась от культуры других сословий феодального общества.

По сравнению с церковной и рыцарской культурой она была более скромной, что обуславливалось как экономическими, так и социальными причинами. Богатство этого сословия зависело уже не от земельной собственности, а прежде всего от трудовых усилий. Это предопределяло практический склад ума, предпринимательский порыв и рациональную рассудительность горожанина. По сравнению с культурой крестьянских масс городская культура отличалась более высоким уровнем.

Цивилизованность горожанина проявлялась и в более широком использовании товарно-денежных отношений для ведения хозяйства, и в большем динамизме ее развития, в ее более светском характере, и в повышении роли грамотности и письменной культуры в целом, и в пробуждении познавательного интереса к окружающему миру.

Управленческие, экономические и правовые представления средневековых бюргеров нашли отражение в цеховых уставах и городском праве. *Цеховой строй* был своеобразной феодальной организацией городского ремесла. Цеховой мастер не только работает сам, но и эксплуатирует труд учеников и подмастерьев, однако цель его эксплуатации скорее феодальная, чем капиталистическая.

Цехи стремились к установлению монопольных условий производства и реализации своей продукции на местном рынке. К созданию монопольных условий торговли стремились и купеческие гильдии. Укрепление городского строя, с одной стороны, и постепенный переход крестьян с барщины на натуральный, а позднее и денежный оброк, с другой, обострили противоречие между городом и деревней

Особенностью развития управленческой мысли этой эпохи является ее ярко выраженный государственный характер, сохранение в качестве средства модели полицейского управления. Особенно это заметно в трактатах ученых и государственных деятелей Византии и стран Восточной Европы, таких, как Георгий Плифон, Виссарион Никейский в Византии, А.Л. Ордин-Нащокин, Ю. Крижанич, Г. Котошихин в России, сочинения, которых написаны с позиций государства или для первого лица государства либо апеллируют к государству.

Лучшие памятники византийской управленческой мысли были тепличными созданиями высокообразованной элиты и не отражали, как в России, интересов достаточно широких слоев общества. К тому же большинство памятников русской управленческой мысли относятся уже к более поздней эпохе, отражают более сложные социально-экономические условия, острее осознают проблемы, вставшие перед централизованным Русским государством.

Несмотря на то, что само производство в средневековых хозяйствах оставалось ручным и примитивным, многие проблемы и принципы рационального управления помещным хозяйством занимали умы религиозных деятелей, правителей, владельцев поместий, отдельных ученых.

В раннем Средневековье (между V и IX вв.) выходили так называемые варварские правды — «Салическая», «Рипуарская», «Бургундская», «Баварская», «Русская» и др., содержавшие перечень санкций и штрафов за всевозможные преступления в сельском, ремесленном и др. хозяйствах.

Эти предписания свидетельствуют о довольно низком уровне развития идей об организации мелких помещных хозяйств, о принципах местного самоуправления.

Более содержательны с точки зрения управленческой мысли так называемые регламенты, инструкции для управляющих феодальными поместьями, которые создавались позднее.

В классическое средневековье (XI—XV вв.) усложняются вопросы управления феодальным производством. Благодаря проведению политики фиксации определенных повинностей (барщина и оброчные платежи) организация такого производства принимала устойчивый характер, что в свою очередь позволяло фиксировать материальные возможности производства, вводить элементы планирования и учета производства.

В то же время пунктуальная фиксация повинностей и платежей делала феодальное производство слишком громоздким, недостаточно эластичным и приспособленным к сезонным колебаниям.

С целью маневрирования в управлении производством проводилась и другая политика - политика феодального произвола, гарантировавшая феодалам неограниченные права по распоряжению трудом крепостного крестьянина.

Главной особенностью развития управленческой мысли средневекового Востока является то, что она продолжала разрабатывать те же проблемы, что и в древности. Преемственность развития экономической мысли объясняется, прежде всего, преемственностью социально-экономического строя, известного как азиатский способ производства. Для него характерны: сохранение сельской земледельческой общины в качестве основы социально-экономической структуры, ведущая роль государственной собственности на землю, отсутствие домениального хозяйства, барщины и крепостного права, городов как центра ремесел и внутренней торговли.

Поэтому в центре управленческой мысли средневекового Востока, как и в странах Древнего Востока, оказываются вопросы управления страной, налогообложения населения и обогащения государства. При этом авторы трактатов стремятся предложить такую систему мер, которая, удовлетворяя интересы господствующего класса, обеспечивала бы нормальное течение воспроизводства, благосостояние и безопасность в стране.

Особенностью управленческой мысли Китая было то обстоятельство, что ее основным автором был человек, или находящийся на государственной службе, или стремящийся получить должность.

Государственный чиновник выступает здесь как главный создатель духовной культуры. Неудивительно поэтому, что ведущей темой его сочинений также остаются вопросы государственного управления, государственной поддержки и стимулирования земледелия как главной сферы производства, а также поощрения ремесла и торговли как дополняющих земледелие сфер.

Большое воздействие на развитие экономической мысли Ближнего Востока оказал ислам. В ряде областей знания арабы выступают как прямые наследники античности.

Однако из ее духовного мира они усвоили больше рациональное, чем гуманистическое, начало. Поэтому мусульманская культура ближе к древневосточной культуре, чем к античной. С древневосточной литературой сочинения мусульманских авторов роднят ориентация на традиционные темы, подражание предшественникам, любовь к фундаментальным произведениям — своеобразным энциклопедиям средневековых знаний.

В сочинениях Аль-Газали и Ибн-Хальдуна, например, содержатся гениальные суждения об управлении людьми, о лидерстве, о поведении человека в организации, о воспитании и обучении будущих руководителей.

Управленческая мысль в Византии

Византийская империя, история которой насчитывает более тысячелетия (с конца IV в. до захвата Константинополя турками в 1453 г.), познала как периоды наивысшего расцвета, когда она становилась в гигантской державой, широким кольцом охватывавшей весь бассейн Средиземного моря, так и периоды резкого упадка.

В последние века своего существования она представляла собой в политическом отношении расчлененное, «остаточное» государство, которому на Балканах принадлежали лишь некоторые незначительные, разрозненные территории. Как государство Византия сохранила и продолжила римскую систему выборной, ненаследственной (по крайней мере, вначале) и централизованной монархии, что резко выделяло ее во всем средневековье.

У Рима же она заимствовала и развитое писаное право, покоящееся на принципе частной собственности.

В экономике Византии преобладало натуральное хозяйство, но было развито и товарное хозяйство. Сочетание товарно-денежных отношений с чисто средневековыми, феодальными формами ведения хозяйства и эксплуатации составляло, пожалуй, наиболее характерную ее черту. В сфере финансов господствовала монометаллическая система на золотой основе, а византийская золотая номисма была общепризнанной международной расчетной единицей, игравшей роль международной валюты.

Соответственно в Византии (раннего периода) наблюдался сравнительно высокий уровень банковского дела. Стремясь способствовать развитию банков, византийское правительство боролось с тенденциями к изъятию денег из обращения, к их тезаврации. В сборнике уставов ремесленных корпораций X в. содержится запрет копить деньги «на время нужды», не сдавая их на хранение трапезитам. Стабильности денежного обращения устойчивости валюты придавал особое значение и *Лев VI Мудрый* (866—912), в 52-й новелле которого «удобные для обращения деньги» названы «нервом всех дел».

Понятие «справедливая цена», которое имело хождение в Византии и средневековом Западе, не было в условиях развитого рыночного обмена проблемой чисто теоретической или принципом морального воздействия. Оно отражало конъюнктуру рынка применялось к ценообразованию на городском рынке. Будучи легализованным нормами действующего права, понятие «справедливая цена» использовалось и на практике, в частности получало свое отражение в актах купли-продажи.

В целом управленческие взгляды на управление хозяйством Византии складывались под влиянием классической традиции, суждений античной хрематистики, а также христианских норм, отраженных и закрепленных как в каноническом, так и в гражданском праве. Поэтому вплоть до последних веков существования империи не появилось ни одной сколько-нибудь оригинальной концепции в этом отношении. Даже в XIV в. в работах выдающегося византийского государственного деятеля, ученого и писателя *Феодора Метохита* (1260—1332) управленческие идеи принимают форму абстрактных рассуждений об улучшении управления финансами, об экономном и умеренном их расходовании, об умножении общественного богатства, которое ассоциируется у Метохита с денежным богатством.

Общими положениями классической традиции руководствуется в своей критике финансовой и налоговой политики правительства, в попытках обосновать необходимость более широких реформ и другой византийский ученый этого времени *Фома Магистр* (ок. 1270 — ок. 1325).

А видный церковный деятель эпохи *Григорий Палама* (1296—1359), явно находясь под влиянием Аристотеля, высказывает не лишённые интереса мысли о назначении денег как всеобщего эквивалента и посредника в сфере товарного обращения. «Один человек не может быть и ученым, и земледельцем, и портным, и строителем, и сведущим в каждом из других искусств. И так как каждый в одиночку не может сам удовлетворять свои потребности, а во всем подобном непременно имеет нужду, то изобретено средство — деньги, с помощью которых с выгодой для жизни и избыток устраняется, и недостаток восполняется. Земледелец отдаёт свои излишки не занимающимся земледелием и, взяв за них плату, на нее покупает например дом, возмещает потребность в недостающем ему. И таким взаимным общением всех нас устраивается жизнь наша: от этого возникают поселения и государства, и человек есть общественное животное».

Как и в феодальной Европе, византийские церковные теоретики в соответствии с положениями канонического права активно боролись с ростовщичеством (каноническое право осуждало как тяжкий грех дачу денег под проценты, исходя из принципа «деньги не могут порождать деньги»). Эти представления проникали в светское законодательство. Эклога (византийский законодательный свод VIII в.) вообще не упоминает займа в рост, что было интерпретировано как запрет.

«Исагога», автором которого был патриарх Фотий, требовал упразднить всякий процент и запрещал крестьянам отдавать свои поля в качестве залога, «так как в действительности это вовсе не дача в залог его поля, но разрушение его жизни».

Враждебную по отношению к ростовщичеству позицию продемонстрировал в XIV в. константинопольский патриархат в ряде своих судебных решений, а ученик и последователь Григория Паламы — видный византийский богослов *Николай Кавасила* (ок. 1320—1363/91) в двух своих трактатах — «О ростовщичестве» и «Против ростовщиков» — развивает эти идеи применительно к той критической ситуации, в которой оказалась в это время Византия.

Вдохновленный библейскими текстами, Кавасила выдвигает тезис об обязательности труда для всех, ибо «не следует получать доход тем, кто не трудится». Именно поэтому ростовщичество не может считаться нравственным, ведь «процента никто не получает трудом». Труд в интерпретации Кавасилы предстает в качестве не экономической категории, а моральной. И все призывы во имя абстрактной справедливости и христианской любви к ближнему запретить деятельность богачей-ростовщиков были в период зарождения элементов биржи и коммерческого кредитования (о чем так красноречиво свидетельствует Книга счетов венецианского купца Джакомо Бадозера) делом не только бесполезным, но и реакционным.

Наиболее своеобразно, полно и оригинально экономические и управленческие и идеи проявились в рамках гуманистического течения, которое развивалось в Византии в XIV—XV вв.

Это, прежде всего, было связано с именем выдающегося деятеля византийской культуры, философа-неоплатоника *Георгия Плифона* (ок. 1355—1452). Греческая историография наших дней рассматривает Плифона как «провозвестника и зачинателя экономической науки», «великого социолога и финансиста», утверждая, что уделом других национальных школ на протяжении веков оставалось лишь «развивать и аналитически излагать его воззрения, разрабатывая таким образом теорию».

В чем же состоит с точки зрения ИУМ сущность
плифоновских идей?

Исходным пунктом управленческих идей Плифона было его положение об общественном богатстве как совокупности плодов земли, а более конкретно — как результате сельскохозяйственной деятельности. Это сугубо «вещественное» богатство возникает, по мысли Плифона, посредством сочетания 3 составных элементов: труда, средств производства и управления. Мысль о труде как источнике богатства постоянно подчеркивается Плифоном. Он выделяет его из других факторов производства, тем самым некоторые буржуазные авторы говорят о зарождении у него трудовой теории стоимости.

Обращает на себя внимание также тот факт, что, хотя земля занимает у Плифона особое место как сфера приложения труда, она не включена в понятие средств производства, в число активных факторов создания общественного богатства. Благодаря этому он избежал ошибки, столь типичной для физиократов.

Главный тезис Плифона, проходящий красной нитью через все его проекты реформ: необходимость защиты трудящегося человека, прежде всего земледельца, пастуха или виноградаря, труд которых рассматривался им в качестве основы экономического благосостояния государства.

Плифон призывал возможно лучше относиться к непосредственным производителям, «этим всеобщим кормильцам», не только защищать их от внешней опасности, но и облагать лишь единым, справедливым натуральным налогом. В иерархии сословий, на которые должно делиться общество, именно земледельцы-налогоплательщики поставлены на первое место. На втором оказались воины, освобожденные от налогов и обязанные защищать государство, на третьем — правители, чиновники во главе с самим императором.

Ратуя за то, чтобы земля была «общей», т. е. государственной (что для Плифона одно и то же), Плифон выступает как служилый мелкопоместный человек, как прониар, не имеющий крупной родовой земельной собственности и с ненавистью (а возможно, и с вождедением) взирающий на земельные владения родовой византийской знати. Отсюда беспощадная критика всевозможных «динатов» и «архонтов», крупнейших землевладельцев-вотчинников, носителей сепаратистских тенденций, которых прониарское сословие, связанное с императорским двором, считало своими врагами.

Характерны также рассуждения Плифона о распределении годового совокупного продукта производства по различным общественным группам населения ради осуществления социальной справедливости. Когда плоды трудов подсчитаны и земледельцам возвращены затраты на семена, писал он, подчеркивая тем самым необходимость производственного потребления, затем весь доход следует разделить на 3 части и отдать первую часть тем, кто производит работу (т. е. земледельцам), вторую — тем, кто вкладывает в производство свое имущество (т. е. собственникам средств производства), а третью — на содержание государственного аппарата.

Плифон категорически отказывал в праве на участие в распределении общественного дохода паразитическим прослойкам общества, прежде всего монашеству. Только принимая во внимание конкретные взаимоотношения между прониарским и монастырским землевладением в Византии XIV—XV вв., частые перераспределения земельного фонда между этими двумя категориями византийских феодалов, можно понять ту страсть, с которой Плифон призыв лишить этот, по его выражению, «рой трутней» доли в общественном богатстве как прослойку населения, не имевшую никаких обязательств перед обществом. Выступая против стяжательства монастырей, Плифон подчеркивал, что подобные явления «не согласуются с учением тех, кто первоначально установил этот (монашеский) образ жизни». Государство терпит ущерб из-за того, что удовлетворяются требования на бесконечные дарения из государственных запасов «людям, не имеющим никаких обязанностей».

Многие планы пливонских реформ были навеяны внешней опасностью, грозившей Византии в XV в. Отсюда его тезис о необходимости замены наемного войска местной регулярной армией, ориентации на протекционистскую политику для ограждения ремесла и торговли Пелопоннеса (именно ему Пливон отводил роль «экспериментального цеха» своих реформ) от конкуренции иноземных, в первую очередь итальянских, купцов. Этот протекционизм, вытекающий из представлений Пливона об автаркическом государстве, о создании замкнутого хозяйства, обособленного от экономики других стран, диктовался также насущной необходимостью спасения местного производства и объективно отвечал интересам торгово-ремесленного населения страны.

Взгляды Плифона оказали большое влияние на его последователей и учеников. Некоторые из них не ограничивались теоретическим усвоением его экономических воззрений, а стремились провести их в жизнь. В этом отношении особенно показательным письмом выдающегося деятеля Византии и итальянского Возрождения кардинала *Виссариона Никейского* (1403-1472) Константину Палеологу (тогда еще деспоту, позднее — последнему византийскому императору). По существу, вся политическая, экономическая и военная программа, изложенная в письме Виссариона, основывалась на идеях его учителя — Плифона. Это явствует из самой терминологии Виссариона: когда он предлагает разделить население на сельскохозяйственный производительный класс и на военное сословие.

В своих предложениях по оздоровлению экономики Византии Виссарион гораздо более практичен, чем Плифон. Будучи хорошо знаком с промышленным развитием Запада и особенно Италии, Виссарион остро чувствовал экономическую отсталость страны. Поэтому свои теоретические положения и практические предложения он стремился подкрепить примерами из жизни итальянских городов.

Именно под влиянием итальянской практики Виссарион в значительной мере отошел от взглядов своего учителя на земледелие как на основу общественного производства и на земледельческий труд как на единственно производительный.

В качестве практической меры он советовал Константину послать в Италию для обучения необходимым ремеслам молодых людей, добавляя, что такое непосредственное освоение ремесел на итальянских мануфактурах позволит легко и в короткий срок изучить их

Таким образом, управленческая мысль Византии отражала особенности становления отдельных феодальных институтов, отход от ориентации на философскую традицию и на античность, своеобразие развития византийского феодализма в целом. Это была идеология общества, экономика которого в силу особых исторических условий сочетала натурально-хозяйственную основу с элементами развитого товарно-денежного хозяйства. Социальная тенденция византийских мыслителей состояла в том, чтобы способствовать консолидации феодализма, упрочению классовых основ Византии.